

Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений¹

И.М. КУЗНЕЦОВ*

*Игорь Михайлович Кузнецов – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Цитирование: Кузнецов И.М. (2017) Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Т. 26. № 1. С. 58–80

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить инструментарий и результаты измерений баланса национальных установок россиян, позволяющего разграничить риски возникновения межнациональной напряженности, которые связаны с особенностями этого баланса. Диагностический инструментарий фиксирует соотношение между установками ингруппового фаворитизма и аутгруппового негативизма. Показатель баланса этих двух составляющих дает основания для выводов не только о состоянии межнациональной ситуации, но и о возможностях и точках приложения социального влияния, направленного на профилактику негативного развития этой ситуации.

Исследование особенностей баланса межнациональных установок было проведено в рамках 24-й волны всероссийского опроса по проекту «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE).

Согласно результатам этого исследования, в нынешней ситуации можно говорить об устойчивом позитивном балансе структуры межнациональных установок, т.е. о слабой вероятности рисков возникновения серьезных межнациональных противостояний в России. Однако среднестатистическая оценка отнюдь не отражает ситуации в отдельных регионах России. Не нашло своего подтверждения популярное в общественном сознании мнение об особой националистичности молодежи, не подтвердилось полностью и предположение о меньшей распространенности этнофобий среди более образованных слоев населения. Основной вывод состоит в том, что в российском обществе существует избирательное отношение к тем или иным этническим группам, определяемое мерой их интеграции в данное локальное сообщество. Эта избирательность характерна не только для респондентов с отчетливо националистическими установками, но и для тех, кому присущи в целом позитивные или ней-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (грант № 15-18-00138).

тральные установки в отношении иноэтнических групп. Таким образом, усилия по нормализации межнациональной ситуации в данном локальном социуме должны быть направлены не только на нейтрализацию националистических установок населения, но и на интеграцию инокультурных групп в стандарты взаимодействия, общепринятые в данном сообществе.

Ключевые слова: межнациональная напряженность, межнациональные установки, идентичность, этносоциальная дистанция, мигрантофобия

В современной отечественной этносоциологии и кросс-культурной психологии разработаны и апробированы ряд прямых и косвенных показателей состояния сферы межэтнического взаимодействия. Результаты исследований с применением этих показателей дают возможность уточнить гипотезы относительно связи уровня межэтнической напряженности с теми или иными переменными, характеризующими социально-экономические и социально-культурные особенности конкретных локальных социальных сред России. Такого рода исследования уже на стадии выбора метода (опрос общественного мнения) ориентированы на то, чтобы представить более или менее детальную социографическую картину, репрезентирующую мнения (восприятия) генеральной совокупности на момент опроса. Традиционно в массовых социологических исследованиях замер состояния межнациональных отношений осуществляется путем сбора и статистического обобщения мнений респондентов о состоянии межнациональной конфликтности, отношения к представителям тех или иных этнических и конфессиональных групп и т.п. Одним из часто применяемых в практике исследования межэтнической напряженности является показатель восприятия межэтнических отношений с 4-ступенчатой шкалой определения напряженности в этой области. Это вопрос «Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Вашей... (республике/области/населенном пункте/трудовом коллективе)?» с вариантами ответов (1) «благоприятные, спокойные», (2) «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует», (3) «напряженные», (4) «на грани открытых столкновений». Информация по этой шкале дает достаточно надежное представление о восприятии этноконтактной ситуации в целом, однако в этом случае нельзя сделать вывод о том, какие именно параметры собственно среды, с одной стороны, и диспозиций мнений об этой среде, с другой стороны, сказались на результате опроса. Так, обозначенный вопрос, задаваемый в одном и том же интервью применительно к общностям разного уровня (от региона до трудового коллектива), фиксирует различия в анализе межнациональных отношений на разных уровнях. Кроме того, прямая оценка состояния межнациональных отношений в той или иной среде отражает не только реальное состояние общественных отношений, но и активность СМИ в освещении текущих событий в этой сфере. Причем чем более абстрактна общность, которую оценивают респонденты, тем количественно больше присутствует не собственно опыт, а реакции СМИ и сетевых авторитетов. Более того, восприятие межнациональных отношений в том или ином регионе, в той или иной микросреде и/или социальном слое может быть связано с локальными социально-культурными характеристиками общественного сознания, с некоторой латентной аксиоматикой относительно «нормальных» стандартов взаимодействия людей разных культур и этнической принадлежности. В частности, при анализе одной и той же межнациональной ситуации могут отражаться особенности представлений людей о своей и иных национальных группах, иллюстрирующих баланс их межнациональных установок.

Проблема состоит в том, что на основе данных о восприятии респондентами межнациональной ситуации невозможно полноценно решать задачи, связанные с социальной инженерией, т.е. с текущим прогнозированием и управлением ситуацией межэтнических отношений. В первую очередь потому, что для решения этих задач необходимо знание о степени распространенности тех или иных конфигураций этнических установок, определяющих оценку межэтнической ситуации и провоцирующих или снижающих межнациональную конфликтность. Иными словами, необходимо иметь представление не только о восприятии ситуации населением, но и провести диагностику факторов такого отношения. Задача настоящей статьи – продемонстрировать инструментарий и результаты измерений баланса межэтнических установок, позволяющего дифференцировать риски возникновения межнациональной напряженности, связанные с особенностями конфигурации этого баланса.

Концепция и методика измерения межнациональных установок

В самом общем виде диагностический подход к измерению межнациональных установок заключается в выявлении в выборочной совокупности аналитических типологических групп, характеризующихся устойчивыми системными особенностями ценностных диспозиций, поведенческих реакций и идеологических дискурсов в области межнациональных отношений. При этом мы можем использовать уже имеющиеся в науке данные о вероятностных связях тех или иных конфигураций этнических установок с различными стандартными сценариями развития ситуации межэтнических отношений, включая сценарии конфликтогенные. Так, известно, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности [Berry, Pleasants 1984]. В последующих исследованиях было продемонстрировано, что «в норме для группового (этнического) самосознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распасться или становиться обратной» [Лебедева, Татарко 2002, с. 18]. Существуют также научные работы, показывающие, что позитивная ингрупповая идентичность не обязательно влечет за собой враждебность к аутгруппе (напр.: [Kosterman, Feshbach 1989]).

Таким образом, диагностический инструментарий должен фиксировать соотношение между установками ингруппового фаворитизма и аутгруппового негативизма. Показатель баланса этих двух составляющих дает основания для выводов не только о состоянии межнациональной ситуации, но в первую очередь о возможностях и точках приложения социального влияния, направленного на профилактику негативного сценария.

Инструментарий создан на основе модифицированного для целей массового опроса блока социально-психологических методик, по которому ранее был накоплен богатый эмпирический материал в рамках социально-психологических исследований [Хухлаев 2011]. Причем, несмотря на «сжатость» инструментария (по сравнению с батареями психологических тестов), шкальная структура сохраняется. Она обеспечивает снижение влияния эффекта социальной желательности в ответах респондентов, поскольку результаты формируются на основе не одного мнения, а их совокупности, что респонденту контролировать гораздо сложнее. Инструмент представляет собой набор суждений, которыми в повседневной жизни описываются различные аспекты эмоционального отношения к своей и иным

национальным группам, что позволяет собирать информацию о латентных, не всегда осознаваемых респондентом характеристиках его видения межнациональной ситуации и готовности на нее реагировать. В состав шкал инструментария после многочисленных пилотных исследований были отобраны наиболее отчетливые и устойчивые маркеры таких параметров (или субшкал), как:

- 1) Уровень агрессивного отношения к иным национальным группам.
- 2) Уровень позитивного отношения к собственной национальной группе².

Приведем для примера факторный анализ (сделанный на конечном этапе апробации инструментария) ответов респондентов-подростков³ (14–17 лет), позволяющий представить содержание и расклад суждений по субшкалам 1 и 2, упомянутым выше (*таблица 1*).

Таблица 1. Распределение факторов «Шкалы межнациональных установок»

Суждения инструментария	Факторы	
	Негативное отношение к инациональным группам	Позитивное отношение к собственной национальной группе
Есть такие национальности, к которым я испытываю презрение	0,838	
Есть такие национальности, среди которых большинство людей – плохие	0,812	
Мне не нравится, когда рядом какой-то человек начинает говорить на своем (не на моем) языке	0,724	
Я ощущаю родство с людьми своей национальности		0,820
Когда я думаю о людях своей национальности, я испытываю чувства гордости и любви		0,807
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности		0,710

Баланс межнациональных установок как отдельная переменная представляет собой разность усредненных значений по двум представленным в *таблице 1* субшкалам, т.е. (1) негативному отношению к инациональным группам (аутгрупповая агрессия) и (2) позитивному отношению к собственной национальной группе (ингрупповой фаворитизм). В результате формируются три типологические группы с различным балансом значений по субшкалам. Первая группа характеризуется превышением позитивного отношения к собственной национальной группе над негативным отношением к другим национальным сообществам. Во вторую группу включаются респонденты с равным значением обоих показателей (промежуточная позиция). Третью составляют респонденты с превышением негативного

² Надежность (α Кронбаха) по каждой субшкале составляет по разным выборкам 0,69–0,72.

³ Расчеты сделаны по базе данных Программы Департамента образования г. Москвы «Мониторинг рисков межнациональной конфликтности среди учащихся учреждений общего и среднего профессионального образования г. Москвы» (2011–2014 гг.); совокупная выборка – 17260 респондентов (учащиеся 9–10 классов московских школ); исполнитель – Московский государственный психолого-педагогический университет.

отношения к инонациональным группам над позитивным отношением к собственной национальной группе. Следует отметить, что типологические группы с разным балансом межнациональных установок, выделенных на разных выборах, демонстрируют достаточно устойчивые характеристики.

Статистический анализ данных, полученных по этой методике, предназначен в первую очередь для того, чтобы относительно точно идентифицировать эти группы и судить о текущей конфигурации баланса межнациональных установок в исследуемой области. Ситуацию можно признать сравнительно устойчивой и слабо конфликтной, если доля негативных диспозиций существенно перевешивается долей группы с выраженными позитивными тенденциями. Ключевым объектом подобного исследования являются не отдельные мнения (и их репрезентация в процентном или ином соотношении), а аналитические типологические группы. Более того, мы рассматриваем полученные распределения не как статистическую картинку, а как характеристику состояния динамической системы с обратной связью.

Также важно подчеркнуть, что с точки зрения функционирования типологической группы как динамической системы самой опасной совокупностью является средняя, как наименее предсказуемая. В классических социографических исследованиях она определяется как устойчивое «болото», и группами риска в этом случае являются носители экстремальных установок. Но с точки зрения динамической системы именно то, что сейчас считается состоянием «средней» группой, и определяет основные реальные последствия ситуации. Так, в случае вероятного межнационального конфликта наиболее угрожающими являются не локальные националистические акты, предпринимаемые немногочисленными фанатично настроенными людьми, но отношение неопределившейся части населения к подобному рода действиям (особенно в ситуации, когда эта группа составляет большинство). Как показано в многочисленных экспериментах [Московичи 2007], меньшинство (а явные активные националисты чаще всего немногочисленны) может оказывать влияние на неустойчивое большинство за счет сплоченности, наличия четкого однозначного мнения и отработанных поведенческих сценариев по ключевым позициям при условии отсутствия такового у большинства.

При этом особенностью промежуточной группы баланса межнациональных установок являются именно отсутствие четкого мнения и сочетание противоречивых диспозиций [Хухлаев 2011]. Таким образом, чем значительнее масса неопределившихся в области межнационального взаимодействия, тем более непредсказуемо поведение всей системы в меняющихся условиях. Этот риск отчасти опаснее, чем угрозы, связанные с явными националистическими всплесками, потому что его легко не заметить (или недооценить). Но в ситуации «раскачивания лодки» в режиме, резонансном с реальными общественными запросами, в обществе может резко возобладать агрессивное отношение к представителям иных национальностей за счет перетока неопределившихся в агрессивные группы.

Для примера приведем данные по динамике изменения баланса компонентов межнациональных установок среди московских подростков⁴ в 2011–2014 гг. (таблица 2).

Самое заметное превышение негативных проявлений по отношению к иноэтническим группам наблюдалось в октябре 2013 г., во время столкновений в Бирюлеве Западном и на фоне широкого освещения этих событий в СМИ и социальных сетях. Здесь важно подчеркнуть, что отмеченное в 2011 г. значительное преобладание позитивных установок над негативными – это парадоксальное следствие бес-

⁴ Расчеты сделаны по базе данных Программы Департамента образования г. Москвы «Мониторинг рисков межнациональной конфликтности среди учащихся учреждений общего и среднего профессионального образования г. Москвы» (2011–2014 гг.); исполнитель – Московский государственный психолого-педагогический университет.

порядков на межнациональной почве, случившихся в декабре 2010 г. на Манежной площади и у Киевского вокзала в Москве: фактически благодаря этим событиям у московских подростков произошло стихийное утверждение статуса собственной этнической группы, что вряд ли можно признать эффективным способом улучшения баланса межнациональных установок.

Таблица 2. Динамика баланса отношений к собственной и иным национальным группам среди московских подростков в 2011–2014 гг., %

Группы с разным балансом межнациональных установок	март 2011 г.	сентябрь 2012 г.	октябрь 2013 г.	апрель 2014 г.
Преобладание позитивного отношения к своей национальной группе	63	59	57	60
Равновесие установок	14	14	15	15
Преобладание негативного отношения к иным национальным группам	23	27	28	25

Из общей динамики изменения конфигурации межнациональных установок за четыре года наблюдений можно сделать вывод, что накопление негативного потенциала, приводящего к открытым столкновениям, длительное время протекает практически незаметно. Об этом свидетельствуют данные 2011–2013 гг., касающиеся снижения уровня позитивного отношения к собственной национальной группе и закономерного роста негативного отношения к инациональным сообществам. Важно также обратить внимание, что восстановление благоприятного баланса, зафиксированное в апреле 2014 г., происходило на фоне событий, связанных с присоединением Крыма. Таким образом, рассматриваемый инструментарий оказывается весьма чувствительным к изменению общей ситуации.

Баланс межнациональных установок прежде всего зависит от восприятия ситуации: оценка межнациональных отношений оптимистичнее в группе с преобладанием позитивных установок к представителям собственной национальности и наоборот. Это означает, что тот или иной характер осознания межнациональной ситуации может отражать как реальную природу межнационального согласия (или конфликта), так и баланс межнациональных установок, влияющих на оценку этой ситуации. Кроме того, индикаторы баланса межэтнических установок отчетливо связаны с таким показателем, как отношение к мигрантам: представители группы с преобладанием позитивного отношения к собственной национальной группе чаще демонстрируют дружественное расположение к мигрантам. Более того, та или иная конфигурация межнациональных установок, измеренная в рамках рассматриваемого инструментария, отражает глубинные особенности системы ценностей (по Шварцу) [Хухлаев, Бучек, Зинурова, Радина, Тудупова, Хакимов 2011].

Описание и анализ результатов общероссийского исследования

В рамках реализации нашего исследования указанный инструментарий впервые был применен на общероссийской выборке, хотя и в несколько модифици-

рованном виде⁵. Факторный анализ оценки отдельных суждений блока «Шкалы межнациональных установок» дал результаты, представленные в *таблице 3*.

Весь набор суждений в соответствии с оценками респондентов был разделен на две субшкалы, обозначенные как аутгрупповой негативизм (негативное отношение к иным национальным группам) и ингрупповой фаворитизм (т.е. позитивное отношение к своей национальной группе). Дальнейшие расчеты средних значений по каждой субшкале и последующее ранжирование разницы значений по обеим субшкалам позволили рассортировать весь массив опрошенных на три типологические группы, различающиеся характером баланса аутгруппового негативизма и ингруппового фаворитизма. Первая группа, представленная респондентами с превышением установок ингруппового фаворитизма, в соответствии с традиционной практикой исследования подобных феноменов условно была названа «патриоты» [Druckman 1994; Kosterman, Feshbach 1989]. Во вторую группу респондентов с одинаковой оценкой суждений ингруппового фаворитизма и высказываний аутгруппового негативизма вошли «неопределившиеся»; их ключевой характеристикой является неустойчивое равновесие: баланс компонентов межнациональных установок у разных респондентов смещался то в одну, то в другую сторону. Третья группа с превышением установок аутгруппового негативизма над представлениями ингруппового фаворитизма также в соответствии со сложившейся практикой была названа «националисты».

Распределения респондентов по балансу межнациональных установок представлены в *таблице 4*. Согласно данным, в 2015 г. в среднем по России фиксировалось существенное превышение доли тех, кто придерживался преимущественно позитивных установок по отношению к своей национальной группе, что свидетельствует о благоприятной этноконтактной ситуации в стране в целом.

Однофакторный дисперсионный анализ по показателю баланса межнациональных установок выявил, что между рассматриваемыми группами имеются значимые различия по ряду социально-демографических характеристик, а также по некоторым задействованным в опросе индикаторам восприятия этноконтактной ситуации.

Вполне ожидаемо, что отчетливая поляризация на «патриотов» и «националистов» более характерна для областных центров России, а неопределенная позиция – для поселков городского типа (ПГТ) и сельских поселений (*таблица 5*).

Если учесть, что максимальные доли «националистов» фиксируются в наиболее крупных агломерациях (в Санкт-Петербурге – 15%, в Москве – 14%), то уместно предположить, что поляризация баланса межнациональных установок связана не столько с формальным статусом социальной среды, сколько с уровнем урбанизации социума, т.е. с доминированием безличных форм социального взаимодействия в урбанизированных полях, что повышает значимость и актуальность различного рода социальных категоризаций. Таким образом, можно предположить, что по мере роста урбанизированности социальных сред будут увеличиваться риски межнациональной напряженности.

---

⁵ Опрос по проекту «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» проведен в 2015–2016 гг. как составная часть 24-й волны всероссийского опроса по проекту «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимому Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>; выборка – 15118 респондентов из 39 регионов РФ.

Таблица 3. Распределение шкал-суждений «Шкалы межнациональных установок» по группам, характеризующим структуру межнациональных установок

В какой степени Вы согласны или не согласны с утверждением	Аутгрупповой негативизм	Ингрупповой фаворитизм
В мире есть национальности, которые Вы не уважаете	0,791	
Некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу	0,774	
Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке	0,541	
Когда Вы думаете о людях Вашей национальности, Вы испытываете чувство гордости, любви		0,827
В компании людей Вашей национальности Вы чувствуете себя комфортнее, чем с другими		0,692
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальной группы		0,651

Таблица 4. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди россиян в 2015 г., частота и %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Частота	Валидный %
«Патриоты»	4997	42
«Неопределившиеся»	5661	47
«Националисты»	1315	11
Всего	11973	100
Затруднившиеся ответить или отказавшиеся от ответа	3145	
Итого	15118	

Таблица 5. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам в разных типах поселений, %⁶

Группы с разным балансом межнациональных установок	Областной город	Город	ПГТ	Село
«Патриоты»	46	41	29	38
«Неопределившиеся»	42	47	62	53
«Националисты»	12	12	9	9
Всего	100	100	100	100

⁶ Здесь и далее анализируются только те различия в диспозициях сравниваемых групп, по которым фиксируется достоверное различие со значением χ^2 Пирсона $\leq 0,005$.

Принципиальными оказались расхождения в общем балансе межнациональных установок среди респондентов разного возраста, образования и степени религиозности (таблицы 6–8).

Таблица 6. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам в возрастных группах, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Возраст				
	до 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	61 и старше
«Патриоты»	42	40	40	40	45
«Неопределившиеся»	47	47	48	49	47
«Националисты»	11	13	12	11	8
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 7. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди респондентов разного уровня образования, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Образование		
	Полное и неполное общее среднее	Среднее специальное	Высшее
«Патриоты»	40	42	45
«Неопределившиеся»	50	47	44
«Националисты»	10	11	11
Всего	100	100	100

Таблица 8. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди респондентов с разным уровнем религиозности, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Религиозность		
	В основном верующие	В основном неверующие	Атеисты
«Патриоты»	43	36	39
«Неопределившиеся»	47	49	37
«Националисты»	10	15	24
Всего	100	100	100

Значимые различия (по тесту Шеффе) существуют лишь между самой старшей возрастной группой и всеми остальными группами и только в долях «патриотов» и «националистов». Таким образом, представленные в *таблице 6* данные опровергают распространенный стереотип о повышенной националистичности молодежи, который, на наш взгляд, сформировался в силу ее более выраженной социальной активности и готовности к реальным действиям (группа до 30 лет). Очевидно, что в социальных акциях молодые люди реализуют те диспозиции, носителями которых практически являются их родители и старшие товарищи.

Анализ данных, представленных в *таблице 7*, показывает, что гипотеза о меньшей выраженности этнофобий у людей с высшим образованием не подтверждается. Фактически достоверное различие (по тесту Тамхейна) наблюдается только между участниками опроса с общим средним и высшим образованием. И оно касается отнюдь не этнофобий, а позитивных установок по отношению к представителям своей национальности, доля которых немного выше в группе людей с высшим образованием, однако она не настолько велика, чтобы существенно повлиять на пропорции общего баланса.

Очень важные связи фиксируются между тем или иным балансом межнациональных установок и религиозностью респондентов (*таблица 8*). В данном случае наблюдаются значимые различия по всем трем выделенным группам, особенно по доле «националистов». Это позволяет сделать вывод, что по мере углубления религиозных чувств ослабевает негативное отношение к иным национальным группам и возрастает позитивное отношение к собственному народу.

Еще одной характеристикой, дифференцирующей рассматриваемые группы с разным балансом межнациональных установок, являются особенности их групповой идентификации. Судя по представленным в *таблице 9* распределениям, среди «националистов» значимо ниже уровень идентификации, чем в группах «патриотов» и «неопределившихся». Этот факт свидетельствует о достаточно выраженной самоизоляции «националистов» от большинства социальных сообществ, с которыми россияне себя отождествляют. Можно предположить, что это ответная реакция на неприятие большинством россиян негативных межнациональных установок (это демонстрирует уже доля респондентов с такими установками в выборке).

Таблица 9. Уровень идентификации с определенными социальными группами респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто часто ассоциирует себя с данной группой идентификации

Группы идентификации	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
С людьми Вашего поколения, возраста	68	60	58	63
Со всеми гражданами России	34	28	20	30
С людьми Вашей национальности	56	49	41	51
С людьми такого же достатка, что и Вы	54	50	42	50
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	38	35	28	35
С людьми Вашей веры	43	37	28	39

Более того, приведенные в *таблице 9* данные об относительно слабой ассоциации «националистов» с собственной национальной группой и людьми своего вероисповедания дают основания предположить, что националистические настроения, связанные с негативным отношением к инациональным группам, появляются благодаря представлениям об ущербном состоянии собственной национальной группы. Отсюда, кстати, следует, что наиболее эффективным способом коррекции межнационального негативизма может стать повышение национального самосознания той группы, в которой этот негативизм распространен. Например, в уже упомянутом выше исследовании межнациональных установок московских школьников была установлена статистически достоверная связь высокого уровня ингруппового фаворитизма с ростом интереса к иным этническим культурам.

Относительно большая дистанцированность «националистов» в отношении различных социальных общностей находит логическое продолжение и в степени их дистанцированности от тех или иных национальных групп (*таблицы 10 и 11*).

В нашем исследовании из стандартного набора уровней социальной дистанции мы измеряли только степень принятия человека иной национальности в качестве непосредственного руководителя и соседа по дому. В шкале социальной дистанции уровень такого принятия является промежуточным между более безличными формами взаимодействия (житель данного района, дома) и различными масштабами социального диалога, предполагающего определенную личностную включенность (соседа, друга, родственника). В то же время оценка принятия человека другой национальности на этом уровне может свидетельствовать о готовности занимать подчиненную позицию в иерархических коммуникациях. Очевидно, что в этом случае существенно заметнее различие между уровнями принятия тех или иных национальностей среди респондентов с разным балансом межнациональных установок⁷.

Здесь необходимо отметить, что уровень нетерпимости к руководителю иной национальности значительно выше в группе «националистов», чем среди «патриотов», но он уменьшается по мере снижения среднего уровня по неприятию массива. При этом в среднюю долю значительный вклад вносят оценки «националистов», несмотря на относительную малочисленность этой группы в массиве. Пожалуй, единственная для «националистов» группа, где уровень принятия руководителя значимо выше, чем среди «патриотов», – это русские руководители (в *таблице 10* не представлено). Однако это исключение лишь подтверждает общую тенденцию повышенной нетерпимости по отношению к этноменьшинствам со стороны «националистов», хотя она и является в определенной степени избирательной и слабо затрагивает те национальности, которые считаются традиционно «своими» (белорусы, украинцы). Она подтверждается и на уровне более личностного взаимодействия с ближайшими соседями иной национальности (*таблица 11*).

Уровень взаимодействия с соседями предполагает необходимость установления межличностного контакта (в масштабах, видимо, зависящих от уровня урбанизированности данного поселения). Таким образом, степень принятия людей иной национальности на этом уровне может свидетельствовать уже о некоторой готовности относиться к людям иной культуры как к «своим» и взаимодействовать с ними, скорее, как с личностями, а не с представителями этносоциальных категорий.

⁷ См. *таблицу 9*. Национальности перечисляются в порядке убывания уровня неприятия по средней доле в массиве.

Таблица 10. Уровень принятия человека иной национальности в качестве непосредственного руководителя среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто отнесся к этому «в целом отрицательно»

Непосредственным руководителем станет....	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
чеченец	33	47	64	43
таджик	35	46	63	43
узбек	34	46	63	43
дагестанец	33	46	63	42
вьетнамец	34	45	58	42
киргиз	32	43	60	40
азербайджанец	31	42	59	39
грузин	30	41	57	38
армянин	28	39	53	36
украинец	21	29	45	28
белорус	12	17	25	15

Таблица 11. Уровень принятия семьи иной национальности в качестве ближайших соседей респондентами с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто отнесся к этому «в целом отрицательно»

Среди соседей будет....	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
чеченская семья	24	39	54	34
таджикская семья	23	35	51	32
дагестанская семья	22	36	51	32
узбекская семья	22	35	51	31
вьетнамская семья	22	34	47	31
киргизская семья	21	32	47	29
азербайджанская семья	20	32	46	28
грузинская семья	18	31	43	27
армянская семья	17	29	40	25
украинская семья	13	19	31	18
белорусская семья	6	10	14	9

Сравнивая средние по массиву данные в *таблицах 10 и 11*, можно сделать вывод о том, что в иной ролевой ситуации, нежели доминирование/подчинение, уровень неприятия значительно снижается, но при этом сохраняется существенный разрыв между людьми с разным балансом межнациональных установок. В группе «националистов» уровень нетерпимости по всему списку национальностей практически в два раза превышает уровень, демонстрируемый представителями группы с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе.

Еще один, более общий, вывод состоит в том, что представленные в *таблицах 10 и 11* ранжированные по степени неприятия списки национальностей отражают вероятный список «своих-чужих» этнических групп, латентно присутствующий в общественном сознании россиян. И возможная временная динамика рангов такого списка может показывать динамику освоения общественным сознанием этнокультурных инноваций многонационального пространства России.

Обратим также внимание на то, что «националисты» в своем неприятии тех или иных этнических групп, по сути, воспроизводят профиль избирательной этнической нетерпимости, характерный для общества в целом, но при этом его не формируют. Очевидно, что их оценки принятия/непринятия определенных национальностей – это крайне радикальная форма выражения общих тенденций при том, что они этих тенденций не создают, хотя и вносят существенный вклад в их подкрепление. Таким образом, было бы неправильно считать их диспозиции причиной возможной ситуации межнациональной напряженности. «Националисты» лишь самым радикальным образом реагируют на скрытый общественный запрос, в том числе и вероятный запрос напряженности.

Факторный анализ оценок принятия представителей национальных групп, перечисленных в *таблицах 10 и 11*, выявил два класса национальностей, по которым наблюдается сходное реагирование. В один класс вошли русские и белорусы, во второй – представители всех других национальностей с большей, чем в первом классе, дистанцией принятия (в промежуточной позиции между первым и вторым классами оказались украинцы). Нетрудно заметить, что эти национальности являются в большинстве регионов России недавними иммигрантами: либо внешними (из среднеазиатских республик СНГ), либо внутренними (из российских северокавказских республик). Исключение составляют лишь армяне и грузины, имеющие в России более глубокие корни, но в отношении к ним и дистанция принятия самая низкая. Таким образом, есть все основания предположить, что вопрос отношения к тем или иным инокультурным группам – это также и проблема отношения к мигрантам, и такое пересечение вполне закономерно.

Особенности отношения к иноэтническим мигрантским группам

Процесс нарастания рисков межэтнической напряженности в связи с притоком мигрантов был хорошо изучен на примере как московского региона (наиболее насыщенного инокультурными мигрантами), так и на примере других регионов, в том числе и национальных республик РФ [Кузнецов, Мукомель 2005; Нужны ли иммигранты 2006; Дробижева 2009].

Некоторые особенности адаптации временных трудовых мигрантов к принимающей среде провоцируют среди местного населения формирование мигрантофобии. Суть характерного для временных мигрантов сценария адаптации состоит в том, что их приспособительные мотивы предельно прагматичны и направлены на эффективное решение конкретных текущих жизненных задач, таких как полу-

чение регистрации, найм жилья, поиски работы, учеба и т.п., и окружающую социальную среду (во всяком случае, на первом этапе пребывания в принимающей среде) они склонны рассматривать не как собственную среду обитания, а преимущественно как легкодоступный экономический ресурс. В рамках такого сценария мигранты взаимодействуют не столько с населением, сколько с отдельными, как правило, официальными представителями принимающей среды. В результате складывается преимущественно теневая субкультура обслуживания прагматических потребностей мигрантов, составляющими которой, с одной стороны, являются масса мигрантов с уже сложившимися шаблонами и каналами взаимодействия, и с другой, – постоянно контактирующие с мигрантами представители властей разного уровня, работодатели, собственники арендуемого жилья, держатели специализированных мест проведения досуга. В свою очередь эта субкультура, в которую попадает большинство приезжих, ослабляет потребность более основательной интеграции даже той части мигрантов, которые изначально были ориентированы на легальную жизнь. При этом ведущим фактором формирования мигрантофобии, приобретающей впоследствии этнофобный фон, становятся недостаточная включенность этнических мигрантов в повседневный культурный контекст принимающей стороны и отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям городского образа жизни или незнание их (часто принимаемое коренными жителями за неуважение). В итоге, наряду с масштабами миграций, важной причиной возникновения мигрантофобий, перерастающих в этнофобии, становится преобладание в миграционных потоках выходцев из урбанизированных сред (из сельской местности и малых городов, в которых не сложилась по-настоящему урбанизированная среда). Для успешного приспособления переселенцев существенным является быстрое налаживание на новом месте этномигрантской сети (или включение в уже имеющуюся). При этом компактное расселение мигрантов, носителей общей соционормативной системы, и перенесение на новое место привычной сети социальных связей превращаются в условия, облегчающие приспособление к жизни в принимающем социуме.

Еще более отчетливо эта закономерность проявляется, если приезжие приносят с собой не просто другие стандарты, а иные этнокультурные и конфессиональные традиции, т.е. выстраивают собственную этническую микросреду внутри уже сложившейся. Иначе говоря, начинает действовать этнокультурный фактор, задающий привычный для мигрантов, но не схожий с действующим в принимающей среде тип социального взаимодействия и уклада жизни. Характерная для многих этнических культур Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии ориентация на традиционную общину как на единственную систему соотнесения при регулировании повседневного поведения приводит к созданию в принимающей социальной микросреде буферных квазитрадиционных зон [Кузнецов 1988; Кузнецов, Мукомель 2005]. Само по себе последнее обстоятельство осложняет процесс включения приезжих в принимающую среду, поскольку выстраиваемая буферная зона ограничивает возможности освоения новых культурных навыков (включая языковые) и делает такое освоение необязательным.

Если же говорить о конкретной иерархии претензий к мигрантам, то они (по данным опросов в Москве) выглядят следующим образом [Аналитический отчет 2013]:

- 1) «Они живут по иному укладу жизни, говорят на непонятном языке» (14%).
- 2) «Они ведут себя оскорбительно по отношению к людям нашей национальности» (14%).
- 3) «Они не считаются с правилами поведения, сложившимися в Москве» (13%).
- 4) «Ими совершается большинство преступлений в Москве» (13%).

- 5) «Они способствуют развитию коррупции, стремятся все решать через своих родственников, земляков, друзей и т.п.» (13%).
- 6) «Они скупают квартиры, предназначенные для москвичей» (13%).
- 7) «Они не чувствуют благодарности за то, что живут в нашем городе» (11%).
- 8) «Они люди чуждой нам религии» (10%).

Как видно из представленных распределений, наибольшую неприязнь вызывают те особенности поведения людей иной национальности, которые обусловлены их слабой интеграцией в обыденные (часто неформальные) стандарты повседневного взаимодействия. Это в общей сложности 52% (пункты 1, 2, 3, 7), нарушение которых, как правило, вызывает у принимающего населения опасения за сохранность своей культурной среды. Практически в любом обществе, ориентированном на традиционные ценности и нормы, угроза разрушения культурного пространства (формирующего полноценного члена этого общества, под которого подстроены его основные социальные институты и само собой разумеющиеся, часто нерелексированные нормы повседневного взаимодействия), утрата чувства «хозяина» на своей культурной территории воспринимаются подчас острее, чем экологические и даже социально-экономические угрозы. Поэтому распространенность таких претензий может стать мощным мобилизационным фактором самоорганизации наиболее активных членов московского сообщества в агрессивные охранительные структуры, а само противостояние на основе несовпадения культурных стандартов поведения способно перерасти в межэтническое противостояние. Тем не менее собственно ксенофобной следует назвать лишь одну причину (пункт 8, «Они люди чуждой нам религии»), и она стоит в списке на последнем месте с весьма скромной долей упоминаний (10%).

По сути, если исключить целевую политическую деятельность, направленную на эксплуатацию случаев столкновения между отдельными людьми и группами с разными этническим происхождением, то межэтнический конфликт – это зачастую идеологически подкрепленный и оформленный в региональной информационной среде бытовой конфликт, который основан на различном истолковании сторонами, принадлежащими к разным культурам, того, что в данной региональной среде должно, допустимо и справедливо. Иными словами, это определенное расхождение в области ценностных стандартов поведения в публичной сфере.

В регионах современной России, в том числе и в Москве, весьма маловероятным представляется конфликт между традиционно контактирующими группами, у которых веками выработаны и закреплены в консенсусе местного обычного права навыки взаимодействия. В ситуации интенсивного притока инокультурных мигрантов наиболее вероятной причиной межэтнических противостояний становится различие в видении и интерпретации конфликтной ситуации местным населением (независимо от национальности) и группами вновь прибывшего населения, привыкшими к иным поведенческим стандартам (независимо от того, граждане ли они России или иностранцы). Необходимо подчеркнуть, что подобные конфликты культурных стандартов случаются и между группами одной этнической принадлежности, например, между русскими жителями мегаполиса и приезжими русскими из малого города или села, но они не имеют, как правило, резонанса в информационной среде, и поэтому остаются вне зоны внимания общественности. Следовательно, не происходит и их эскалации до уровня возможного политического столкновения, скажем, столицы и региональных центров, в отличие от наращивания подобного же по своей основе и модели развития конфликта, где противостоящими сторонами являются этнические группы.

Если реконструировать повседневный дискурс определения ситуации как конфликтной со стороны местного населения, то в упрощенном виде он сводится к следующему: фиксируется нарушение приезжими норм обычного местного пра-

ва, которое приезжие могут либо не знать, либо заведомо пренебрегать им, ориентируясь исключительно на официальные кодексы. И поскольку подобного рода нарушение зафиксировано и согласовано в общественном сознании, то возникает дискурс вокруг организации соответствующих санкций, и если власти по тем или иным причинам не поддерживают эти акции, то возникает самоорганизованная реакция (самосуд). Коротко говоря, именно потребность в восстановлении справедливости, не реализуемой в официальном властном русле, и составляет в подавляющем большинстве случаев осознанную или неосознанную подоплеку межкультурных, межэтнических столкновений.

В итоге на сегодняшний день реальным представляется мнение о широком распространении негативного отношении к определенным, прежде всего не привычным для данной принимающей среды, этническим группам. Более того, неприязненное отношение к инокультурным приезжим в национальных республиках или в других регионах России с высокими показателями этнической мозаичности служит в настоящее время своеобразным фактором, консолидирующим многонациональное принимающее население [Идентичность и консолидационный ресурс 2014].

Возвращаясь к рассматриваемым группам баланса межэтнических отношений, можно утверждать, что отношение к мигрантам среди «националистов» будет значимо хуже, чем в группе «патриотов» (таблица 12).

Таблица 12. Оценка потребности в мигрантах среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % ответивших

Варианты ответа	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
1. Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда	18	14	15	16
2. Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не хотят здесь жить постоянно	14	13	11	13
3. Стране нужны и те, и другие мигранты	20	11	9	13
4. Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	48	62	65	58
Итого	100	100	100	100

Как видно из *таблицы 12*, различия оценок разных вариантов принятия мигрантов особенно заметны по пунктам 3 и 4, т.е. там, где речь идет о безусловном принятии мигрантов и о том, что мигранты не приемлемы ни при каких условиях. В обоих случаях представители группы «националистов» демонстрируют значимо более радикальную позицию, нежели представители «патриотов». Тем не менее необходимо отметить, что «националисты» лишь более радикально выражают общую

тенденцию негативного отношения к мигрантам в обществе. Можно предположить, что этот радикализм связан с тенденцией определять любые взаимодействия, где акторами являются представители разных этнокультур, как межэтнические ситуации, независимо от их реального контекста. Так, приток дополнительной рабочей силы, необходимый экономике современной России, квалифицируется ими как вторжение чужих этнокультурных элементов в привычную для них социальную среду.

О тенденции «националистов» интерпретировать даже бытовые конфликты с участием людей разных национальностей в контексте межнационального противостояния свидетельствуют данные *таблицы 13*. Для правильного понимания полученных распределений ответов необходимо привести точную формулировку вопроса: «Представьте себе, что в Вашем населенном пункте молодые люди разных национальностей встретились на улице. Слово за слово. Повздорили. Завязалась драка. В ходе драки молодые люди иной национальности, чем Ваша, убили парня Вашей национальности. Что будете делать Вы?». Важно отметить, что из приведенного текста отнюдь не следует, что это ситуация столкновения на межэтнической почве – скорее, бытовой конфликт с участием лиц разной национальности. И лишь последний вариант (пункт 6, *таблица 13*) связан с этноконфликтным определением подобного столкновения, и именно по этому варианту частота выборов «националистов» значительно отличается от показателей в группе «патриотов». В остальных пунктах, отражающих степень участия в реагировании – от полностью пассивной реакции (пункт 1, *таблица 13*) до агрессивной (пункт 5, *таблица 13*), – ответы «националистов» и «патриотов» практически не отличаются.

Таблица 13. Характер реагирования на ситуацию конфликта с участием людей различных национальностей среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % согласившихся с перечисленными вариантами

Варианты реагирования	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
0. Ничего, пусть разбирается полиция, это не Ваше дело	69	69	69	69
1. Будете внимательно следить за расследованием в сообщениях средств массовой информации	66	62	66	64
2. Подпишете петицию властям с требованием объективного расследования	41	37	44	39
3. Напишите об этом в Интернете	15	16	21	16
4. Пойдете на митинг, сход, требующий наказать убийц	19	19	21	19
5. Соберетесь с друзьями, подругами, чтобы найти виновных и отомстить им	4	5	7	5
6. Примете все меры, чтобы избавить Ваш населенный пункт от людей той национальности, к которой принадлежали убийцы	9	11	17	11

Такая особенность восприятия социальных ситуаций в межэтническом ключе в целом говорит о повышенной акцентуации национальных категорий: для «националистов» национальная категоризация в повседневной жизни имеет большую значимость, чем для «патриотов». Об этом свидетельствуют и данные, представленные в *таблице 14*.

Таблица 14. Оценка важности национальной принадлежности для устройства на работу среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто указал, что национальность «в целом важна»

Устройство на работу	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
Получение высокой должности в местных органах власти	40	41	45	41
Устройство на работу рядовым учителем в школу	27	30	34	29
Назначение директором, завучем в школе	40	41	48	41
Устройство на работу рядовым врачом	20	25	26	23
Назначение главврачом, заведующим отделением	34	38	43	37
Открытие своего предприятия, фирмы	12	17	16	15
Устройство рядовым сотрудником правоохранительных органов	32	38	40	35
Назначение руководителем в правоохранительных органах	47	50	55	49
Устройство на высокооплачиваемую должность в частной компании	20	27	28	24

Как видно из представленных в *таблице 14* распределений, среди «националистов» оценка важности национальной принадлежности при получении перечисленных должностей значимо выше, чем в группе «патриотов». Однако необходимо еще раз отметить, что «националисты» лишь повторяют в акцентированной форме тенденцию, характерную для сообщества в целом. Это может означать, что в российском обществе (по крайней мере, на рынке труда) национальная принадлежность является значимой национальной категорией, что в свою очередь запускает механизм капитализации этничности, создающий серьезные основания для подкрепления значимости национальной категоризации в большинстве сфер социального взаимодействия. Последнее является немаловажным фактором осложнения межнациональной ситуации в локальных сообществах: в частности, капитализация этничности во многом является и причиной, и следствием формирования этнических ниш как в экономике [Кузнецов, Мукомель 2007], так и во многих других сферах деятельности. И в этом случае конкуренция в этих сферах с большой вероятностью превращается в межэтническое соперничество.

В конечном счете прослеженная в группе «националистов» тенденция воспринимать и оценивать ситуации повседневности в национальном контексте отражается в общей оценке текущего состояния межнациональных отношений на локальном уровне (таблица 15).

Таблица 15. Оценка степени межнациональной напряженности среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, %

Варианты оценки	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
Постоянные столкновения, конфликты	1	1	3	1
Высока вероятность конфликтов	4	5	8	5
Внешне спокойные, но ощущается внутреннее напряжение	19	25	29	23
Отношения, скорее, нормальные	33	33	28	32
Нормальные, доброжелательные отношения	43	36	32	39
Итого	100	100	100	100

Прежде всего, необходимо отметить, что респонденты, относящиеся к разным группам баланса межнациональных установок, в принципе, оценивают одну и ту же ситуацию. И значимые различия в ее аттестации («националисты» склонны ее оценивать более тревожно) связаны с тенденцией более агрессивного определения межнационального взаимодействия, чем это можно видеть в оценках двух других групп, особенно среди респондентов с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе. Если дополнительно учесть, что подобная оценка содержит не только восприятие факта, но и определенные экспектации в отношении развития межнациональных отношений, то с большей долей вероятности можно утверждать, что тот или иной баланс межнациональных установок, существующий на текущий момент в данном социуме, является важным фактором, который может как способствовать, так и препятствовать регулированию межнациональных отношений.

Заключение

Если рассматривать баланс позитивного отношения к собственной национальной группе и негативного отношения к иным национальным группам как индикатор уровня межнациональной напряженности, то, по данным репрезентативного опроса населения России 2015 г., в нынешней ситуации можно говорить об устойчивости этого баланса, т.е. о слабой вероятности рисков возникновения серьезных межнациональных противостояний. Однако среднестатистическая оценка отнюдь не отражает ситуации в отдельных регионах России: если при средней общероссийской вы-

борке доля «националистов» составляет 11%, по региональным выборкам эта цифра колеблется от 22 до 2%⁸. Вполне ожидаемо, что в мегаполисах и крупных городах доля таких респондентов значимо выше, чем в менее урбанизированных населенных пунктах (ПГТ и селах). В то же время не подтвердилось широко распространенное в общественном сознании мнение об особой националистичности молодежи. Не полностью обоснованным оказалось и мнение о меньшей распространенности этнофобий среди более образованных слоев населения: среди людей с высшим образованием немного больше респондентов с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе («патриотов»), но доля лиц с превышением негативного отношения к иным национальностям такая же, как и в других образовательных группах. Также было установлено, что особенностью идентификации группы «националистов» является их меньшая, чем в среднем, и значимо меньшая, чем у «патриотов», идентификации себя со всеми (предусмотренными в инструментарии) социальными общностями, не исключая общности по национальности и по вере.

Группа респондентов с превышением негативного отношения к иным национальным группам, также как и группа «патриотов», весьма последовательна в своем реагировании на ситуации, определение которых не исключает контекста межнационального взаимодействия: в этих случаях реакция «националистов» более радикальная, чем в среднем по выборке, и значимо отличается от реакции «патриотов».

Важный вывод состоит в том, что «националисты» и «патриоты» разнонаправленно отражают характерный для общества в целом профиль избирательного отношения к разным этническим группам российского общества. Но при этом ни «патриоты», ни «националисты» не формируют этот профиль. Последние в своих оценках межнациональной ситуации демонстрируют лишь более агрессивные и радикальные (по сравнению с группой «патриотов») формы выражения средних тенденций. Из этого следует, что уровень распространенности националистических диспозиций в обществе является показателем роста латентного социального запроса на решение уже назревших проблем межнационального взаимодействия в локальных сообществах.

Основной вывод состоит в том, что в российском обществе существует избирательное отношение к тем или иным этническим группам, определяемое мерой их интеграции в данное локальное сообщество. Эта избирательность характерна не только для респондентов с отчетливо националистическими установками, но и для тех, кому присущи в целом позитивные или нейтральные установки в отношении иноэтнических групп. Таким образом, усилия по нормализации межнациональной ситуации в данном локальном сообществе должны быть направлены не только на нейтрализацию националистических установок населения, но и на интеграцию инокультурных групп в стандарты взаимодействия, общепринятые в данном сообществе.

Литература

- Аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему «Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов» (2013) // http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.

⁸ Данные по конкретным регионам не приводятся, т.к. опросы в регионах не претендуют на локальную репрезентативность.

- Дробижева Л.М. (ред.) (2009) Российская идентичность в Москве и регионах. М.: ИС РАН, МАКС Пресс.
- Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия) (2012). М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=2461>
- Кузнецов И.М. (1988) Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности // Советская этнография. № 1. С. 15–27.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2005) Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2007) Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. № 1. С. 175–184.
- Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. (2013) Социально–психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. № 1. С. 104–113.
- Лебедева Н.М. (1997) Социально–психологические закономерности аккультурации этнических групп // Лебедева Н.М. (ред.) Этническая психология и общество. М.: Старый сад. С. 271–289.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (ред.) (2002) Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: РУДН.
- Московичи С. (ред.) (2007) Социальная психология. М.: Питер.
- Нужны ли иммигранты российскому обществу? (2006). М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Хухлаев О.Е. (2011) Этнонациональная установки современной Российской молодежи // Вопросы психологии. № 1. С. 46–57.
- Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р. (2011) Этнонациональные установки и ценности современной молодежи // Культурно–историческая психология. № 4. С. 97–106.
- Berry J.W., Pleasants M. (1984) Ethnic Tolerance in Plural Societies, Potsdam.
- Druckman D. (1994) Nationalism, Patriotism, and Group Loyalty: a Social-psychological Perspective // *Mershon International Studies Review*, vol. 38, no 1, pp. 43–68.
- Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // *Political Psychology*, vol. 10, no 2, pp. 257–274.
- Tajfel H. (1982) *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge and Paris.

The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations

I. KUZNETSOV*

***Igor Kuznetsov** – Candidate of Science in Sociology, Leading Researcher, Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Citation: Kuznetsov I. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 58–80 (in Russian)

Abstract

This article introduces tools for measuring the balance of interethnic attitudes among Russians, which allows the identification of the risk of ethnic tensions. The diagnostic

indicators used to measure the relationship between in-group favouritism and out-group negativity. The balance between the two shows the state of inter-ethnic relationships, but also, most importantly, the identification of the potential problems which might require preventive action. The study was carried out on the basis of Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE).

The findings reveal a stable positive balance of interethnic attitudes, and thus a low risk of serious ethnic confrontations in Russia. However, the average country-wide measurements do not reflect the specificity of the situation in certain Russian regions. The findings also do not confirm the widely held view about the concentration of nationalistic attitudes exclusively among the youth. Neither do they completely confirm another common view that xenophobia prevails among the less educated. Different groups characterized by a similar balance of interethnic attitudes are also consistent in their reactions towards the current situation with interethnic relationships: i.e. the group with excessively negative attitudes towards other nationalities is on average characterized by more radical reactions.

The main conclusion is that in Russian society there is a selective attitude to different ethnic groups, defined by the measure of their integration into the local community. This selectivity is characteristic not only for respondents with a distinctly nationalist attitudes, but also for those who are characterized by generally positive or neutral attitudes to other ethnic groups. Efforts to normalize the inter-ethnic situation in the local community should be directed not only at neutralizing the nationalistic attitudes of the population, but also at the integration of other ethnic groups to the behavioural standards accepted in that local society.

Key words: interethnic tensions, interethnic attitudes, identity, ethno-social distance, the fear of migrants

References

- Analiticheskij otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya na temu «Mnenie moskvicej o migratsionnoj situatsii v stolitse i aktual'nykh problemakh migratsionnykh protsessov»* (2013) [The Analytical Report on the Sociological Study of the Perception of the Situation with Migrants in the Capital City by Moscow Citizens]. Available at: http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf, accessed 31 October 2016.
- Berry J.W., Pleasants M. (1984) *Ethnic Tolerance in Plural Societies*, Potsdam.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2009) *Rossiyskaya identichnost' v Moskve i regionakh* [Russian Identity in Moscow and Regions], Moscow: IS RAN, MAKS Press.
- Druckman D. (1994) Nationalism, Patriotism, and Group Loyalty: a Social-psychological Perspective. *Merston International Studies Review*, vol. 38, no 1, pp. 43–68.
- Identichnost' i konsolidatsionnyj resurs zhitelej respubliki Sakha (Yakutiya)* (2012) [The Identity and the Source of Consolidation among the People of the Republic of Sakha (Yakutia)], Moscow: IS RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2461>, accessed 31 October 2016.
- Khukhlaev O.E. (2011) Etno-natsional'naya ustanovki sovremennoj Rossijskoj molodezhi [Ethno-national Attitudes of the Modern Russian Youth]. *Voprosy psikhologii*, no 1, pp. 46–57.
- Khukhlaev O.E., Buchek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K., Tudupova T.T.S., Khakimov E.R. (2011) Etno-natsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoj molodezhi [Ethno-national

- Attitudes and Values of Contemporary Youth]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no 4, pp. 97–106.
- Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes. *Political Psychology*, vol. 10, no 2, pp. 257–274.
- Kuznetsov I.M. (1988) Adaptivnost' etnicheskikh kul'tur i etnokul'turnye tipy samoopredeleniya lichnosti [Adaptability of Ethnic Cultures and the Types of Ethno-cultural Self-determination]. *Sovetskaya etnografiya*, no 1, pp. 15–27.
- Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. (2005) *Adaptatsionnye vozmozhnosti i setevye svyazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv* [Adaptive Capacity and Network Communications of Migrant Ethnic Minorities], Moscow: IS RAN.
- Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. (2007) Formirovanie etnicheskikh nish v rossijskoj ekonomike [The Formation of Ethnic Niches in the Russian Economy]. *Neprikosnovennyj Zapas*, no 1, pp. 175–184.
- Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. (2013) Sotsial'no-psikhologicheskij monitoring riskov mezhnatsional'noj konfliktnosti: metodologiya i praktika [Socio-psychological Monitoring of the Risk of Ethnic Conflict: Methodology and Practice]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, no 1, pp. 104–113.
- Lebedeva N.M. (1997) Sotsial'no-psikhologicheskie zakonomernosti akkul'turatsii etnicheskikh grupp [Socio-psychological Patterns of Acculturation of Ethnic Groups]. *Etnicheskaya psikhologiya i obshchestvo* (ed. Lebedeva N.M.), Moscow: Saryj sad, pp. 271–289.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (eds.) (2002) *Etnicheskaya tolerantnost' v polikul'turnykh regionakh Rossii* [Ethnic Tolerance in Multicultural Regions of Russia], Moscow: RUDN.
- Moskovichi S. (ed.) (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology], Moscow: Piter.
- Nuzhny li immigranty rossijskomu obshchestvu?* (2006) [Do We Need Immigrants in Russian Society?], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya».
- Tajfel H. (1982) *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge and Paris.